

Проф. А. Ранович

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА

Эллинизм — целая эпоха в истории древности. Он обнимает три столетия — от 336 г. (год воцарения Александра) до 30 г. до н. э. (год завоевания Римом последнего крупного эллинистического государства — Египта). Он охватывает почти весь тогдашний цивилизованный мир — от Сицилии до Индии, от Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникло до Италии и Испании на Западе, до Китая — на Востоке. Можно сказать, что история эллинизма — это всемирная история того времени. В нем зародились идеи — научные, философские, этические, религиозные, которые веками владели миром. Произошли значительные сдвиги в экономике, в политических формах, в общественном сознании, в культуре. Независимо от той или иной исторической оценки происшедших изменений, их нельзя, очевидно, игнорировать историком, стремящемуся осмыслить исторический процесс. Интерес к эллинизму в конце концов должен был возникнуть.

Буржуазная историография, однако, до последнего времени не только не создала единой стройной системы истории эллинизма, не только не установила единства взглядов на сущность эллинизма и его историческую роль, но даже не достигла единомыслия в определении географических и хронологических границ его. Д р о й з е н довел изложение — главным образом политической, даже только военно-политической — истории эллинизма до 222 г. до н. э. Б е л о х в третьем томе «Истории Греции» считает границей эллинизма 217 г. до н. э., когда римляне вступили впервые на территорию Балканского полуострова (в Иллирии), начав, таким образом, римский период древней истории. Чаще всего концом эллинизма считают 146 г. или 30 г.

По отдельным эллинистическим странам и по отдельным проблемам истории эллинизма написаны за последние десятилетия обширные исследования, но об эллинизме в целом серьезных трудов не появилось.

В небольшой книжке об эллинистической религии, вышедшей в 1937 г., В. Ш у б а р т пишет: «Понятие «эллинизм» в отличие от «эллиинства», благодаря как научной работе, так и открытиям за сто лет, стало настолько отчетливым, что при рассмотрении его по существу требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии»¹.

Слова эти звучат насмешкой. В действительности до сих пор буржуазные историки не только не пришли к общему мнению в определении сущности эллинизма, но и не нашли пути, по которому можно прийти к удовлетворительному пониманию этой сущности.

«Что такое эллинизм? — спрашивает Т а р н². — Для одних это — новая

¹ W. Schubart, Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus, стр. 3—4.

² «The Hellenistic civilisation», 1927.

культура, сложившаяся из греческих и восточных элементов; для других — проникновение, распространение греческой культуры на Восток; для иных эллинизм — продолжение чистой линии древнегреческой цивилизации, для других — та же цивилизация, видоизмененная в новых условиях». Во всех этих определениях, по мнению Тарна, содержится истина, но не вся истина. Но все эти определения трактуют эллинизм лишь как явление культуры, что при современном состоянии нашего знания этой эпохи явно недостаточно, не говоря уже о том, что эта культура сама требует объяснения в материальных условиях жизни. Сам Тарн ограничивается формальным определением: «Эллинизм — условное обозначение цивилизации трех столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины». Правда, вслед за этим Тарн, устанавливая две стадии эллинизма, дает им более содержательную характеристику; первая стадия — творческая, созидаящая новое в философии, науке, литературе, в политике и государственных формах, с независимым греко-македонским миром, несущим свою цивилизацию на Восток; вторая стадия характеризуется иссяканием творчества, духовной и материальной реакцией Востока на Запад, греко-македонцы оказываются зажатыми между этим воздействием Востока и Римом. Но окончательное суждение о сущности эллинизма Тарн оставляет на усмотрение читателя.

Другие буржуазные историки ищут корни эллинизма и причины его упадка в особых свойствах греческого интеллекта, в господстве тех или иных идей. В этом отношении типична небольшая работа Эд. Мейера «Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien» (В., 1925). Упадок эллинизма с конца III в. Мейер объясняет «внутренним распадом греческого духа», разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризации, упадком творческого духа (стр. 60).

Психологическое, даже мистическое начало в качестве объяснения исторической эпохи свидетельствует о «внутреннем распаде» и «упадке творческого духа» Эд. Мейера, но никак не может удовлетворить даже буржуазного ученого, стремящегося выйти за границы чистого описания, притом субъективного.

Публикация эпиграфических и папирологических источников, дающих обильный, хотя и не всегда достаточный, материал о социально-экономических отношениях в период эллинизма, вызвала появление ряда специальных работ, посвященных экономическим проблемам эллинизма в отдельных странах в отдельные периоды. Таковы работы М. М. Ховста: «История восточной торговли греко-римского Египта», «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте». В известной мере итогом изучения эллинизма в буржуазной историографии является трехтомный труд М. Ростовцева о социально-экономической истории эллинистического мира, вышедший в 1941 г.

Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического. Напротив, именно в области культуры эллинизм не принес, по мнению Ростовцева, ничего принципиально нового. В другом своем труде, «The social and economic history of the Roman Empire», он подчеркивает, что эллинистическая культура — не греко-восточная, а греческая со слабой примесью восточных элементов. Новое в ней — лишь космополитическая окраска. Восток сохранил свою культуру; эллинизм был лишь внешним налетом на ней, да и то замечен только в городах. Эллинистическая культура — раздел в истории греческой культуры.

Особенно решительно формулирует эту точку зрения Шубарт, хотя он, в противоположность М. Ростовцеву, считает эллинизм явлением только

культурным, причем «эллинский дух» творил на восточной основе, не сливаясь с ней. Эллинизм, по Шубарту, означает выход эллинских сил на широкою арену. Эллинизм — это развертывание эллинства, его превращение в мировое явление, он — спонтанное завершение («gewollte Vollendung») эллинского духа.

Эллинизм как продолжение эллинской культуры рассматривает в одной из своих популярных работ С. А. Жебелев: «Эллинистическая культура не представляет собой какого-то вырождения по сравнению с предшествующей ей культурой эллинской, а является прямым ее продолжением и дальнейшим развитием, протекавшим эволюционно»¹.

В своем новом труде М. Ростовцев по-новому определяет содержание эллинизма. Эллинистический мир надо рассматривать не как некое культурное только единство, а как единство политическое и экономическое. «В III в., несмотря на войны, распри, соперничества и т. д., эллинистический мир составлял единое целое как в политическом отношении, так и в отношении цивилизации... Если не представлять эллинистический мир как единое целое, его политическое развитие в III в. едва ли может быть понято до конца» (стр. 25). Эллинизм — это прогрессивный этап в истории античности. «Старомодное представление о периоде упадка греческой цивилизации и жалкого угасания греческой политической жизни не обосновано и, по крайней мере, односторонне и обманчиво. Напротив, творческая деятельность проявляется в это время во всех областях, возникает много — иногда коренных — новшеств в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии древнего мира. Под его благотворным влиянием другие народы перестроили свои собственные установления и благодаря этому достигли блестящих результатов во многих направлениях» (стр. VII). И Ростовцев на протяжении всего своего труда подробно изучает экономику различных эллинистических государств на всех этапах эллинизма.

Однако М. Ростовцев не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики. Эта задача оказалась Ростовцеву не под силу вследствие буржуазной ограниченности его установок. Как и все буржуазные историки, М. Ростовцев не видит основного, — что общество — это совокупность производственных отношений; он противник учения о социально-экономических формациях; отсюда — неумение ввести отдельные явления в систему, усмотреть за разнообразными и противоречивыми факторами связующее их единство и, наоборот, обнаружить специфичность и разновидность сходных по видимости явлений.

Непонимание существа социально-экономических формаций неизбежно ведет к модернизации древней истории, к смещению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального и, особенно, буржуазного общества. Тарн перечисляет ряд черт эллинизма, сближающих его с буржуазной современностью: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и революции; рост идей гуманности и братства и одновременно — жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и рядом — суеверие; огромная литература по всем отраслям знания, но нет уже великих людей прошлого; распространение образования и в результате — масса полуобразованных людей.

¹ «Древняя история», ч. II, «Эллинизм», Птб., 1922, стр. 9.

Правда, Тарн отмечает, что сходство — не тождество, что египетские и современные забастовки, нынешний и стоический коммунизм — разные вещи. Но это тривиальное замечание не устраняет основного ошибочного представления об отсутствии принципиальной грани между античностью и современностью. Все же Тарн, как мы видели, считает необходимым никогда не упускать из виду существования рабства при изучении эллинизма. М. Ростовцев не делает различия между свободным и рабским трудом. Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины «буржуазия», «пролетариат», «феодалы», «крепостные», не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений, над решающими особенностями общественных отношений в античности.

Отрицание социально-экономических формаций — основной порок буржуазной историографии. Тщательность исследования при эмпирическом рассмотрении деталей сменяется полной беспомощностью, когда дело доходит до широких исторических обобщений; здесь детали заслоняют целое, которое оказывается бесцветным, лишенным исторического своеобразия; история превращается в сумму отдельных событий, не связанных какими-либо историческими закономерностями. Это все равно, как если бы сводить сложные машины различной конструкции к сумме колес, рычагов и т. д.

Эмпиризм буржуазных ученых отнюдь не свидетельствует только о неумении понять исторический процесс в целом; за ним скрывается буржуазная классовая установка — признание вечности и неизменности социальных категорий капиталистического общества и тем самым вечности самого этого общества.

Изучить эллинизм как историческую эпоху и понять его во всем его своеобразии нельзя без учета того основного факта, что эллинизм — этап в истории рабовладельческого общества, что он, следовательно, не представляет какого-то неисповедимого сцепления случайностей, а был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Греции с ее специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни. Конечно, многое эллинизм сохранил от классического периода. Ведь даже коренная революция не порывает полностью с прошлым; новое общество получает в наследство производительные силы, людей, идеи, знания и опыт, а также немало противоречий, трудностей, заблуждений, болезней; эллинизм же в целом представлял хотя общественный переворот, но не революцию, оставив в неприкосновенности основную структуру общества, и изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом.

В первую очередь, естественно, необходимо подвергнуть анализу те изменения во всех областях экономики, политики и идеологии, которые характерны для этого периода, и найти материальное объяснение происшедших изменений.

Причины возникновения и упадка эллинизма надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции.

Греческие города-государства развивались неравномерно. Наряду с крупными городами, как Афины, Коринф, Мегара, с развитым ремеслом и торговлей, существовали отсталые районы, еще не ликвидировавшие пережитков родового строя, с примитивными формами хозяйства, со слабыми зачатками городской жизни. Обособленность городов-государств способствовала длительному сохранению бок о бок рабовладельческих общин разного типа. Форма апроприации личности непосредственного производителя также была различна. Илоты в Спарте, пенесты в Фессалии характеризуют неразвитые типы рабовладельческого общества, в соответствии с общей отсталостью экономики и общественного строя в

этих областях. Наивысшего расцвета античная рабовладельческая формация достигла в Афинах, где поэтому отчетливее выступают основные исторические закономерности и основные противоречия рабовладельческого общества. В хозяйственном отношении мы здесь наблюдали максимальную в античности степень преодоления натурального хозяйства; здесь достигнута и наивысшая для античности политическая форма рабовладельческой демократии. Эксплуатация рабского труда здесь представлена в наиболее чистом виде.

В V в. Афины достигли вершины своей экономической и политической мощи, дали миру величайшие достижения в области культуры. Но с этой вершины начинается неуклонное падение, наступает кризис.

Это не случайное явление. Только коммунистическое общество, где уничтожены общественные антагонизмы, имеет беспредельные перспективы развития. В классово-эксплуататорском обществе внутренние классовые противоречия делают развитие возможным лишь в ограниченных пределах. Внутри известных границ возможны величайшие достижения, расцвет культуры, рост производительных сил. Но наступает момент, когда эти границы становятся тесны, и тогда либо их прорывает социальная революция, либо общество должно развалиться.

В рабовладельческом обществе пределы развития ограничены существованием рабства. Рабский труд служит препятствием для роста производительности труда, для развитого общественного разделения труда. Говоря о производстве, основанном на рабстве, Маркс отмечает: «Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 217, примеч. 17); «...правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (*human cattle*) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени» (там же, стр. 293). Технический прогресс в античности поэтому был совершенно ничтожен.

Рабский труд не стимулировал технической мысли не только потому, что при неограниченных возможностях добывания рабов и подневольном характере их труда расширение производства достигалось главным образом увеличением числа занятых в производстве рабов. Само отношение к труду, как к рабскому занятию, презрение к труду было серьезным препятствием росту производительных сил. Правда, труд земледельца не считался зазорным; ведь основу древних полисов составлял коллектив землевладельцев. В идиллиях и буколиках идеализировали труд земледельца, а анекдот о Цинциннате, шествующем за плугом, и сейчас преподносится в буржуазной школе как достойный образец. Но концентрация земельной собственности в руках немногих, появление значительных земельных владений, обрабатываемых рабами, сделали и труд земледельца мало почетным занятием; *ῥοικος*, как и лат. *rusticus*, означает крестьянина и вместе с тем грубого, невежественного мужлана. При таком отношении к труду, как к рабскому занятию, не только ремесло, но и сельскохозяйственный труд сохранял рутинную технику. Только военное дело и искусство обнаруживают технический прогресс. Великие греческие мыслители и ученые не ставили себе задачи совершенствовать орудия труда, изобретать новые, овладевать новыми видами энергии. Рабский труд делал это не только ненужным, лишним, но и не заслуживающим внимания ученого. Производство поэтому, хотя оно и достигало в отдельных отраслях высокого мастерства (производство керамики, ткани, вина), в общем сохраняло традиционные приемы. «Современная промыш-

ленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативным» (К. Маркс, Капитал, Соч., т. XVII, стр. 533—534).

Указанные особенности рабского способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к торговому кризису. В основном производство в древности носит натуральный характер, и бытие людей как товаропроизводителей играет подчиненную роль. Но в некоторых греческих городах-государствах, например, в Афинах или Коринфе, товарность хозяйства была высока, и торговля была жизненно необходимым условием экономического благополучия. В частности, Аттика нуждалась в привозном хлебе, а для ввоза хлеба надо было вывозить товары, чтобы иметь деньги. Но при рабском способе производства расширение рынка возможно только экстенсивное и уже в силу этого не может быть беспредельным. Кроме того, несложное производство легко осваивается потребителями товаров, что приводит к вытеснению привозных товаров местными. Археологические исследования последнего времени выясняют все более значительную роль местного производства в Северном Причерноморье, одном из важнейших рынков сбыта греческих товаров.

Относительное и абсолютное сужение рынков приводит к ожесточенной конкуренции между греческими городами по мере того, как они втягиваются в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложняется острыми противоречиями и военными столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превращается с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания.

В процессе развития рабовладельческого общества изменяются также отношения собственности. Развитие рабства, денежных отношений, обмена разлагает традиционные отношения, которые мыслились, по крайней мере, в идеале, как равенство членов рабовладельческого класса; господство этого класса в целом и было воплощено в афинской демократии. Но «там, где уже имеется налицо отделение членов общины как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как людей, распоряжающихся территорией города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двойного отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и собственником» (К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 24). Классовая борьба между богатыми и бедными, борьба внутри рабовладельческого класса становится, таким образом, исторически неизбежной, усложняя классовую борьбу между рабовладельцами и рабами. Социальные утопии Платона были выражением стремления рабовладельческого класса преодолеть, хотя бы в мечтах, борьбу классов.

Ограниченность рамок, в которых развивается рабовладельческое общество, не допускает — внутри этих рамок — воспроизводства беспредельно. «Но это воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее» (Маркс, там же, стр. 23). «В самом акте воспроизводства меняются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, дебри — очищенным от леса полем и т. д., но производители сами меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления,

новые способы общения, новые потребности и новый язык» (там же). «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе) — вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной точки — воспроизводство. Затем переходит в разложение» (там же, стр. 24). Разложение способа производства, таким образом, — неизбежный продукт диалектического развития рабовладельческой социально-экономической формации, а вследствие узости, ограниченности и связанности ее экономической базы это разложение сказывается довольно быстро.

В Греции кризис наступил уже в конце V в., после Пелопоннесской войны. С особенной отчетливостью проявляется кризис политический. Самодовлеющий полис, вполне удовлетворявший интересам рабовладельцев при относительно ограниченном производстве, стал тесен с ростом производства, с расширением обмена и денежных отношений, с увеличением товарности хозяйства. Углубление противоречий внутри рабовладельческого класса, усиление классовой борьбы, принявшей открытые формы (бегство 20 000 рабов в Декелию на сторону спартанцев в Пелопоннесскую войну), привели к тому, что полис перестал давать своим гражданам устойчивость против гнетущих общественных сил, уверенность в себе, в своих силах. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие нас в классическом греческом искусстве, были выражением той прочности существования, которую гарантировал гражданину полис, хотя только в пределах полиса. В IV в. полис экономически и политически не соответствовал больше тем условиям, которые вызвали его к жизни и давали ему устойчивость и силу.

Обеднение граждан, многие из которых уже не в состоянии были сами снаряжать себя в поход, привело к тому, что народное ополчение все больше и чаще заменяется наемным войском. В Аттике уже в начале IV в. Ификрат выступает как вождь наемников и соответственно этому реорганизует военную тактику. Создание наемного войска из солдат-профессионалов отрывало гражданина от его полиса, а в руках полководца оно могло служить орудием, направляемым и против собственного народа. Служба в войске из обязанности и привилегии гражданина превращается в профессию, и гражданство соответственно лишается реальной силы и политического значения в полисе.

Кризис полиса, необходимость прорвать рамки его ограниченности были осознаны раньше всего. Это отразилось вначале лишь в философских идеях и в публицистике, рассчитанной на узкий круг верхов рабовладельческого класса. Уже софист Горгий в своем выступлении в Олимпии призывал греков к единомыслию (*ὁμόνοια*), к единению против общего врага — персов. Аристотель, считающий полис нормальной и правильной формой государственной организации, отмечает, однако, в «Политике» (IV, 6), что эллинизм могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства. А Исократ в своем сочинении, обращенном к Филиппу Македонскому, уже прямо призывает его стать арбитром по всем греческим делам. У Зенона-стоика идея единства — и не только греков, но и всего человечества — приняла характер социальной утопии. По словам Плутарха, «достойная удивления политика основоположника школы стоиков сводится к тому пункту, чтобы мы жили не по полисам и по демам, различаясь каждый своими особыми законами (*δικαίους*), но чтобы мы считали всех людей демотами и гражданами, чтобы был один образ и строй (*ἕσπερος*) жизни, подобно тому, как стадо пользуется по общему закону общим пастбищем» (De fort. Alex., I, 6).

Больше всего стремление выйти за пределы полиса выразилось в новом представлении об эллинской культуре как общеэллинском или даже общечеловеческом достоянии. В «Панегирике», написанном в 380 г., Исократ пишет (гл. 50): «благодаря эллинской культуре имя «эллин» означает уже не происхождение, а духовный склад (διάνοια); эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению». Впоследствии Александру и его преемникам стали приписывать сознательную программу объединения Востока и Запада для создания единой мировой культуры. По Дидору, Александр практиковал «синоикузмы городов и переводы людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе» (XVIII, 4,4). По Плутарху (De fort. Alex., I, 6), Александр «не последовал совету Аристотеля — обращаться с эллинами, как вождь (ἡγεμονικῶς), а с варварами, как деспот, о первых пещись, как о друзьях и близких, а этих использовать, как животных или растения... Но, считая, что он явился по божьей воле (θεοδῆε) устройтелем и примирителем (ἁρμονιατῆς καὶ διαλλακτῆς) для всех, он, кого не мог соединить путем убеждения, тех принуждал силой оружия, сводя в одно, как в кратере дружбы, людей стовсюду, смешав быт и нравы, браки и образы жизни, предписал всем считать отечеством вселенную, акрополем и крепостью — лагерь, родными — хороших людей, чужими — дурных, различать людей не по одежде..., а видеть эллинов в добродетели, варварство — в пороке».

Вряд ли действительно Александр отчетливо сформулировал те задачи, какие ему приписывает Плутарх, но объективные результаты завоеваний Александра были именно таковы. Ф. Г. Мищенко в его чрезвычайно содержательном введении к Полибию: «Федеративная Эллада» писал: «Успехи эллинизма в македонский период вовсе не входили в планы Александра, Селевкидов, Птолемаидов, Антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействия. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украсить свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования» (стр. XXXVIII—XXXIX).

Сами завоевания Александра были подготовлены в предшествующее время. Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству. Война с Персией была решена в 337 г. на заседании Коринфского союза, и уже в 336 г. Парменион и Аттал переправились в Азию. Нет смысла строить догадки о том, как пошли бы дела, если бы Филипп не был убит в 336 г. и сам руководил бы военными операциями, или если бы не Александр, а Пердикка или Антипатр оказались во главе войска. Важно то, что задача завоевания Востока была поставлена в порядок дня. Александр разрешил ее блестяще; другой на его месте, за исключением, быть может, Филиппа, разрешил бы ее не так быстро и успешно, конкретные результаты были бы иные. Но Александр сумел проявить свои способности потому, что материальные условия жизни поставили перед ним грандиозную задачу.

Рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу экономического и политического кризиса. Выходом для рабовладельцев могло быть только создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего

возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени. Основные противоречия классового общества при этом не устраняются; рабовладельческий класс получает лишь кратковременную передышку, и новый кризис неизбежен. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными [(Греция была покорена Македонией, а позже Римом)]. До тех пор пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец [(Рим)], не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства» (Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450).

Завоевание Александром Востока было в интересах не только Греции и Македонии, но и господствующего класса наиболее развитых областей Востока. Здесь, правда, рабство не играло такой роли, как в Греции; сохранение общины приводило к застойности общества, движение совершалось медленно, противоречия нарастали вялыми темпами. Но и здесь в крупных торговых центрах с высокоразвитым рабовладельческим хозяйством ощущалась потребность в расширении экономической базы. Этим, вероятно, надо объяснить сравнительно легкое покорение Вавилона Киром, почти не встретившим сопротивления. Но Персидская монархия была «случайным конгломератом» народов, не спаянных, а лишь искусственно связанных силой завоевания. То была относительно еще более низкая ступень объединения, чем держава Александра, и покорение Персии Александром означало для нее переход на несколько более высокую ступень. Поэтому торговые города Востока, и в первую очередь богатые слои населения, быстро эллинизировались и были опорой завоевателей. Из аморгской надписи (279 г.) мы узнаем, что одним из организаторов островитян, собравшихся на Самосе, чтобы провозгласить учреждение Птоломеем II праздника в честь Птолемея Сотера, был сидонский царь Филокл. Недавно открытые в Уруке клинописные таблички рисуют примкнувшего к новой власти вавилонянина Унубалита. Как нам хорошо известно, в Иудее так наз. «эллинисты», сторонники сближения с эллинской культурой, представляли собой иерусалимскую знать, вплоть до первосвященников. Конечно, на основании таких отдельных фактов рискованно делать обобщения о социальной опоре Александра и его преемников на Востоке. Но эти факты симптоматичны.

Связи между Востоком и Западом были и до Александра. Финикийцы проникли далеко на Запад, а в Греции имели свои торговые фактории. Навкратис была форпостом греческой цивилизации в Египте. Малоазиатские приморские города находились в тесных экономических связях с материковой Грецией и островами. Но торговцы в чужих странах оставались чужаками, их правовое положение было непрочным, их операции не могли достигнуть большого размаха. В глубь Азии эллинское влияние не проникало. В Сирии не было ни одной греческой колонии. Включение Востока в систему эллинистических монархий открыло широкий простор для торговли не только греков на Востоке, но и Востока в Греции.

Что касается Греции, то она прежде всего потеряла политическую независимость. Те греческие политические деятели, которые пропагандиро-

вали идею панэллинского союза под гегемонией Македонии (Исократ, Эсхин), вряд ли обманывались насчет последствий этого «союза». Но классовый интерес побуждал жертвовать политической независимостью в надежде найти под эгидой монархии защиту против трудящихся. На Коринфском конгрессе 338 г. было принято решение, по которому союзному совету поручается иметь наблюдение, «чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам, конфискаций, отмены долгов, раздела имущества и освобождения рабов с целью переворота». Во имя этого классового интереса рабовладельцы согласны были отдать свою свободу.

Но они обманулись в расчетах. Классовые противоречия в Греции в период эллинизма не сгладились, а обострились. Лозунги раздела земли и погашения долгов (*γῆς ἀνάδοσις καὶ ὑρεῖν ἄποκοτῆς*) не сходили с порядка дня, движение рабов приняло массовый характер. Острая классовая борьба развертывалась и в отсталых ранее областях Греции — в Спарте, Этолии, Бэотии — и в эллинистических государствах Востока. В Египте эллинизация осложнила классовую борьбу этническими и религиозными противоречиями, которые и сами приняли классовый характер, поскольку господствующий класс составляли греко-македонцы и эллинизированные египтяне. В Иудее борьба между эллинизированной аристократией и народными массами, несомненно, ускорила взрыв народного движения Маккавеев, приведшего в конце концов к освобождению Иудеи из-под власти Селевкидов.

Следует при этом иметь в виду, что и монархия Александра была «случайным и малосвязанным конгломератом», а образовавшиеся на территории державы Александра меньшие монархии также не обладали внутренней прочностью. Границы царства Птолемеев и особенно Селевкидов были неустойчивы, постоянно менялись. Наряду с силами, втягивавшими восточные страны в орбиту эллинизма, действовали и центробежные силы. Переход из одной коалиции в другую, борьба за политическую независимость, образование новых государств — такими событиями наполнена история царства Селевкидов. А между тем народы и государства, стремившиеся освободиться от власти Сирии, были в то же время носителями эллинистической культуры и ее поборниками. Возможно, что отпадение Бактрии в середине III в. в сущности имело своим назначением концентрацию усилий эллинизма против варваров. Во всяком случае позднее, в 206 г., в переговорах с Антиохом III бактрийский царь Евтидем указывал, что свободная и сильная Бактрия нужна также самой Сирии как оплот против угрожающих и Сирии и Бактрии «огромных полчищ кочевников»; и Антиох признал это положение правильным (П о л и б и й, XI, 34).

Эллинизм сыграл в социальном отношении прогрессивную роль в том смысле, что благодаря смешению эллинов между собой и отчасти с восточными народами в значительной степени была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых связях.

Особенно отчетливо это выразилось в создании общегреческого языка — *κοινῆ*. Единственный греческий папирус, дошедший до нас от времени Александра, написан в основном на ионийском диалекте с отдельными доризмами и аттицизмами. В III в. многочисленные известные нам греческие папирусы написаны на *κοινῆ*. Конечно, классический язык Софокла, Эврипида, Платона, Фукидида, Ксенофонта не вышел из употребления; он оставался образцовым литературным языком, и «аттицисты» в течение многих веков, вплоть до византийского времени, культивировали язык классиков и тщательно ему подражали. Но живым

языком был язык *κοινή*; на нем к эллинистической культуре приобщались народы Востока; на этом же языке восточные народы делали свои вклады в эллинистическую культуру.

Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами — Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и др. Эллинизм не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопоннесского союзов создаются союзы Этолийский и Ахейский, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходящий, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял еще не использованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь там, где она раньше едва замечалась, и тем способствовал некоторому подъему экономики Греции в первый период эллинизма. С другой стороны, он был необходимым условием для того, чтобы подготовить переход к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Однако успехи эллинизма в этом направлении, особенно на Востоке, были не так грандиозны, как это представляется с первого взгляда. Множество греков и македонцев устремилось на Восток; но и вместе с эллинизированными представителями высших классов местного населения они составляли меньшинство. В Египте на 7 с лишком миллионов населения к концу эпохи эллинизма приходилось всего около 1 миллиона «эллингов» — главным образом за счет города Александрии. В царстве Селевкидов эллины составляли совсем незначительную прослойку — почти исключительно в городах. Александр и его преемники создали много новых городов или реорганизовали по образцу полисов старые. На основании имеющихся реальных данных Александром, Антигоном, Лисимахом, Селевком I и Антиохом I, Антиохом IV, Атталидами и Птолеями основано в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных). Это, конечно, большое число. Проникая в самые удаленные уголки эллинистического мира, эти полисы разлагали старинные формы общественного строя, несли в них не только иную, более высокую культуру, но и иные хозяйственные отношения; товарность начинает появляться там, где раньше натуральное хозяйство господствовало безраздельно. И все же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города были небольшими оазисами, обширные области оставались не затронутыми новым порядком вещей.

Социально-экономические достижения эллинизма бросаются в глаза прежде всего в области торговли. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей несомненны. Об этом свидетельствует прежде всего бурный рост таких городов, как Александрия, Селевкия на Тигре, Антиохия, развитие морского дела и судостроения. Около 100 г. мореход Гиппал открывает муссоны: это не только содействовало укреплению торговых связей с Индией, но и было результатом этих связей. Греческие и восточные товары проникают в глубь Азиатского материка. Недавние раскопки обнаружили сирийские ткани в Монголии. О том, в какой мере стягивались в торговый оборот отдаленные области, можно судить по количеству греческих слов, проникших в языки семитских народов Передней Азии. Много слов, обозначающих не только продукты ремесла, но и животных, растения, рыб, могло быть заимствовано из греческого языка только потому, что обозначаемые ими предметы поступили в торговый оборот и местные разнообразные названия рыб, растений и т. п. были включены в единую греческую товарную номенклатуру.

Другим косвенным показателем роста торговли служат монеты, их символы, легенды, стандарт и ареал распространения. В капиталистич-

ческом обществе функция денег как средства обращения приобретает все большую роль, а их функция как средства накопления становится ничтожной. В древности, особенно на Востоке, мы имеем обратное положение: деньги служат главным образом средством накопления. Превращение сокровищ Дария в звонкую монету, унификация монеты в отдельных эллинистических государствах, конкуренция между аттическим и финикийским стандартами — все это говорит о росте денежного обращения. Конечно, и в виде монеты деньги могли служить также и для образования сокровищ. По свидетельству Аппиана, Птолемей Филадельф оставил в своей казне 740 000 талантов; даже если эта цифра сильно преувеличена, она все же очень солидна.

Рост денежных отношений и товарности хозяйства приводил к углублению классовых противоречий, к обогащению богатых и разорению бедных. Скрытые формы эксплуатации обнажались, что содействовало более открытому проявлению классовых противоречий.

Образование новых полисов с приписанной к ним сельской территорией разлагало старый общинный уклад, подрывало веками установившиеся формы зависимости. На Востоке появляются латифундии с работающими на них рабами. Растет применение рабского труда в городах. У нас нет статистических данных, но если во II в., по исчислению Галена, в Эфесе было 40 000 рабов, то позволительно думать, что и в эллинистической период их было много. Рост купеческого капитала и развитие рабства приводит к тому, что и на Востоке возникает «рабовладельческая система, направленная на производство прибавочной стоимости» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360).

Стремлением к расширению торговли приходится объяснять и войны между эллинистическими государствами. Сирия, Палестина и Финикия, к которым Египет стремился еще во времена Тутмоса III, в условиях эллинистического хозяйства были жизненно необходимы как для Египта, так и для царства Селевкидов; это привело к длительным войнам между соперничавшими державами. Борьба за господство над Эгейским морем была причиной многих войн, так же как борьба за торговые пути на Восток. Преемники Александра в сущности продолжали его политику, а на Западе попытки создать большую греческую державу предпринимают Агафокл и Пирр. Рим также втягивается в орбиту эллинистической экономической политики. В 268 г. римский сенат вводит новую денежную единицу — серебряный денарий, почти равноценный греческой драхме.

Достижения эллинизма в экономической жизни обнаруживаются при рассмотрении эллинистического мира в целом. Но не следует ожидать этих достижений в каждом из эллинистических государств в отдельности. Именно единство эллинистического мира означает, что старые деления утратили силу, и старые экономические центры теряли свое значение, если они не оказывались случайно в благоприятном положении по отношению к эллинистическому миру в целом. Афины были центром для Атики, но не для эллинистических стран, вместе взятых. Даже для Греции они перестали быть центром, уступив место Коринфу. Зато Родос пережил период расцвета. Его морское превосходство выразилось между прочим в том, что его морской кодекс стал международным, и еще рескрипт императора Антонина разъяснял: «Я владыка мира, но на море господствует закон; вопрос надо разрешить по родосскому морскому закону» (Dig., XIV, 2, 9).

Материковая Греция не извлекла пользы из нового объединения и за исключением небольшой передышки она неуклонно падала; даже центры науки переместились в Александрию и Пергам, хотя Афины продолжали

по традиции считаться философским центром — скорее по привычке, чем по праву.

Возникший в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества, эллинизм не разрешил и не мог разрешить ни одного социального противоречия. Он мог дать лишь вспышку некоторого подъема, главным образом в восточных областях, но результаты его не были и не могли быть ни продолжительными, ни прочными. А для того чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому в свою очередь пришел к кризису, который разрешился римским завоеванием. Римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики, выступающего уже в конце III в. и ставшего угрожающим во II в.

Основной порок рабовладельческой экономики — консерватизм технической базы — не мог быть преодолен, поскольку общество продолжало оставаться рабовладельческим. Воспроизводство было возможно опять-таки в ограниченных пределах, не вглубь, а вширь.

Эллинизм установил иные формы государства вместо восточной деспотии и эллинского полиса. Но эллинистические монархии на Востоке, Македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческого полиса с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока проводился путем организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь пользовавшиеся большей или меньшей автономией города; но существование их связывало граждан еще со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм, принимавший порою, вследствие отсутствия подлинной общественной жизни, уродливые формы; а в новых городах и в греко-македонских колониях новые греческие поселенцы долго сохраняли отношения с родиной, создавали землячества, культовые объединения и т. п. За исключением Египта, где македоняне застали централизованный бюрократический аппарат, на Востоке центральная власть не могла руководить повседневной жизнью городов. Из одного Зеноновского папируса мы узнаем, что в небольшом городе Калинде (на юго-западе Малой Азии), входившем в состав царства Птолемеев, существовали должности стратега и эконома, руководивших от лица центрального правительства военным и хозяйственным управлениями. Но в этой же Калинде действует местное самоуправление, возглавляемое пританом и секретарем; как видно из содержания папируса, стратег и экомон вынуждены считаться с древней конституцией полиса (РСZ, 591).

С другой стороны, и восточная деспотия не была ликвидирована. Александр, как известно, вовсе не хотел эллинизировать всех варваров, а оставил в неприкосновенности старые государственные институты в ряде областей своей державы, где он сам хотел быть восточным деспотом. Преемники Александра продолжали действовать подобным же образом. Для египетских крестьян Птолемен были теми же фараонами, и сирийские *λχοί* вряд ли заметили ощутительную разницу между персидским и селевкидским владыкой.

Процесс уравнивания, уничтожения старых племенных, этнических, государственных перегородок также был только намечен в период эллинизма, но не был на этой ступени доведен до конца, не сделал решающих успехов. Даже в области культуры, где эллинизм означал коренной поворот, не произошло действительного слияния; не были поглощены восточные культуры, не была забыта эллиптическая культура классического периода. Отмечено, в частности, интересное явление — на поздних папирусах сохранились многочисленные отрывки из произведений клас-

сической греческой литературы, но совершенно не встречается произведений литературы эллинистическо-римской — Полибия, Посидония, Страбона, Диодора, Плутарха, Лукиана, Климента, Оригена, Плотина.

Таким образом, эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы некоторые новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным революционный переход к более высокой социально-экономической формации. Но изменения, совершившиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки, причины, приведшие к кризису эллинистических государств, не были преодолены, и эллинизм сам пришел, и довольно быстро, к такому же кризису. Выходом оказалось римское завоевание и переход на новую, более высокую ступень. Завоевание Востока Римом не было, следовательно, выполнением какой-то провиденциальной миссии; оно не было и проявлением какого-то особого присущего римлянам «духа». Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно только путем экспансии вовне. А причины успеха римлян на Востоке надо искать в первую очередь не в римской военной доблести, дипломатической ловкости, воинской выучке, а в том, что эллинистический мир быстро исчерпал себя.

Конечно, эллинистические государства оказывали сопротивление Риму. Но провал — не только военный, но и политический — Митридата VI показывает, что поражение Востока было неизбежно. Если это не сознавалось, быть может, современниками отчетливо, то смутно ощущалось, и недаром с начала II в. в Греции и на Востоке возникают проримские настроения, проримские политические течения, и малые города и государства ищут «покровительства» Рима.

Эллинистический мир был поглощен Римом, за исключением восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и, усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно. Но, подчинившись Риму и слившись с ним в одно целое в политическом и экономическом отношении, эллинизм сохранил основные элементы своей культуры и даже развил их дальше.

Изменения в экономике и социальных отношениях эллинистического мира — не только Греции, но и Востока — привели к столь существенным изменениям в области духовной культуры, что многие историки, как мы видели, до сих пор продолжают видеть в эллинизме лишь этап в культурной истории человечества.

Связи с эллинской культурой были на Востоке и до Александра. Галикарнасский династ Мавзол оставил нам прекрасный вещественный памятник этих связей. Сидонские цари отражали в своих мраморных саркофагах влияние греческого искусства. Гермий, династ Атарны в Малой Азии, отдал город Асс в распоряжение философов-платоников Эраста и Кориска, и сам Аристотель после смерти Платона поработал в этом философском городе три года.

Но лишь в период эллинизма наблюдается широкое распространение и внедрение эллинской культуры во всех странах Востока, входивших в сферу политического и экономического влияния эллинистических держав, — внедрение настолько прочное, что оно оставило неизгладимые следы. С греческим языком можно было пройти всю ойкумену. Греческое искусство, литература, философия были широко распространены.

Но сама греческая культура изменилась. Эллинистическая культура

продолжала традиции классического периода, поскольку она сохранила греческий язык и все наследие эллинизма, и у некоторых историков создается даже, как мы видели, впечатление, будто она и по существу не представляет чего-либо принципиально нового, что она даже — наивысшее, наиболее совершенное выражение эллинизма. В действительности же мы имеем здесь совершенно новое историческое явление, невозможное в классический период эллинизма.

Так же, как политические и экономические центры, переместились и центры культуры. Не Афины, а Александрия, Пергам, Антиохия, Берит, Сиракузы и др. создавали философские, литературные, юридические научные школы, и деятели культуры часто — выходцы с Востока. Зенон из Кития, Хризипп из Сол, Посидоний из Апамен, Филодем из Гадары, наш соотечественник Бион Борисфенит («Днепровский») и многие эллинизовавшиеся люди Востока играют выдающуюся роль в создании новой культуры. Это — не только результат распространения эллинистической культуры на Восток, но и показатель влияния Востока на Грецию.

От слияния культур Греции и Востока выиграл прежде всего Восток. Восточная деспотия, господствовавшая над бесправными угнетаемыми массами трудящихся, создавала атмосферу духовного гнета во всех сферах умственной жизни. Литература была почти исключительно религиозной, а сама религия — грозной, суровой, требовавшей безвольной покорности воле богов и могущественных жрецов. Даже искусство подавляло грандиозностью дворцов, храмов и статуй, чудовищными образами богов и демонов.

В эллинистический период появляется проникнутая философскими идеями эллинизма книга «Экклезиаст», эротическая поэма «Песнь песней», хотя и включившая древние элементы народной свадебной лирики, но оформленная как единое поэтическое творение именно в это время. Под влиянием греческой философии в ее вульгаризованной форме устанавливается окончательно иудейский монотеизм, в свою очередь оказавший влияние на другие эллинистические религии.

Греческая драма, игры, празднества, греческое искусство внесли элемент жизнерадостности в мрачную идеологию Востока, образы греческой пластики и архитектуры оказали влияние на черты восточного искусства.

Восток не мало дал и эллинизму. Самый факт близкого общения с народами Востока не только расширил горизонт перед взорами эллинов и раздвинул границы ойкумены, — он показал им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую и во всяком случае более древнюю. На Востоке греки застали высокоразвитые науки — астрономию, математику, медицину, иные приемы и объекты сельскохозяйственной техники, развитые средства транспорта и связи. Литература Востока, своеобразная и непонятная, стала доступна грекам благодаря тому, что греческий язык стал языком образованных людей Востока. Иудеи не только переводят Библию на греческий язык, но и пишут на этом языке новые книги, даже религиозно-философскую диатрибу в духе стоиков — так наз. IV кн. Маккавеев, которую сам автор характеризует как λόγος φιλοσοφίας. В списке произведений Теофраста значителен Ἀχιχάρως — несомненно, восточный роман об Акихаре, текст которого найден, в частности, среди арамейских папирусов в Элефантине.

Новые религиозные настроения, возникшие у греков в новых условиях, нашли в религиях Востока для своего выражения готовые формы культа, готовые образы универсальных богов, мистерии и ритуальные тексты, разработанную астрологию и магию. В процессе слияния культур Греция была не только дающей стороной, но и берущей.

Как в экономической и политической области, эллинизм и в сфере интеллектуальной жизни не довел до конца тех начал, которые наметились после завоеваний Александра. С одной стороны, греческая культура была достаточно устойчивой не только для того, чтобы противостоять культуре Востока, но и для того, чтобы сохраниться под властью Рима и стать основой византийской культуры. С другой стороны, и страны Востока — Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет — не были поглощены эллинизмом, но сохранили свои самобытные черты, свой язык, религию, исторические предания. Манефон пишет на греческом языке, но историю своего, египетского народа. В Парфии и даже в Индии чеканится монета греческого типа, даже с греческой легендой; но эти страны отстаивают свою политическую независимость и усваивают наследие эллинизма, чтобы создать и развивать свою культуру.

Успехи эллинизма в области культуры были неравномерны, и их историческое значение неодинаково для разных стран эллинизма в разное время. Для Востока это был несомненный подъем.

Другое дело — Греция. Здесь тоже эллинизм означал более высокий тип развития культуры, но политический и экономический упадок привел к тому, что эта культура выросла во многих отношениях хилой, болезненной. Несомненный упадок переживает философия. Грандиозные системы мировоззрения и произведения их творцов даже забываются; в I в. до н. э. Андроник должен вновь приступить к систематизации и изданию сочинений Аристотеля. Характерно для эллинистической философии, что она выдвигает в качестве конечной цели стремлений человека не положительный идеал *εὐδαιμονία* (счастье), а отрицательный *ἀλογία*, *ἀοχλῆς*, *ἀταξία*, *ἀπάθεια* (безмятежность, беззаботность, бесстрашие и т. п.).

Школа перипатетиков и вовсе перестала заниматься философией, отдавшись всецело филологии и биографическому жанру. Сенека имел право сказать, имея в виду перипатетиков, что «то, что было раньше философией, стало теперь филологией». Другие философы предаются беспринципному скепсису, хотя и сильному и плодотворному в области критики и отрицания, но не создавшему ничего положительного.

Только материалистическая философия, всегда имеющая опору в живой реальности, пережила период расцвета. Но и школа Эпикура превратилась в замкнутую общину, ушедшую от активного участия в общественной жизни.

В этот период некоторые науки достигли высокого уровня, о чем говорят такие имена, как Архимед, Эвклид, Эратосфен, Полибий, Аристарх Самосский, Гиппарх, Аристарх Самофракийский, не говоря уже о ближайших учениках Аристотеля, в первую очередь о Теофрасте. Наука перестала быть уделом узкого круга избранных. Александрийский музей с его богатейшими библиотеками в Серапеуме и Брухейоне имел целью широкое распространение знания, а не был рассчитан на интерес владельца-царя, как библиотека Ашшурбанипала.

Необходимо, однако, отметить, что в области техники — за исключением военного дела и строительства — эллинистическая наука заметных успехов не делала; в рабовладельческом обществе мысль ученого не направлялась в эту сторону.

В греческой литературе надо констатировать явный упадок. Со сцены вместе со старыми богами уходят и большие проблемы, волновавшие великих трагиков V в. Аристофанова политическая комедия уступает место комедии бытовой, рисующей мелкие интересы и думы среднего человека. Лирика вырождается в искусственное выражение мелких страстей, приправленное риторикой и налетом учености. Процветают буколика, эпи-

грамма, жанровые сценки и картинки. Эллинизм не дал ни одного крупного писателя, которого можно было бы даже с натяжкой поставить в один ряд с Софоклом, Эврипидом, Алкеем, Анакреонтом, Аристофаном.

Резкий перелом совершился в религии. С падением полисов падали и боги их. «Все религии древности были первобытными, племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ним. Раз была разрушена эта их основа ... рушилась и связанная с ними религия»¹.

Но не только боги пришли в упадок. Изменилось и отношение к богам. Прежняя религиозность, носившая скорее формальный характер и связанная с политическими учреждениями и политическими воззрениями, в изменившихся условиях существенным образом изменилась. Предоставленный самому себе, индивид стремится к более тесному общению с божеством, от которого он ждет уже не только благоденствия отечества, победы оружия родного полиса, но и личного спасения. Старые боги и их культ не удовлетворяют больше эллина, религиозные потребности которого изменились. Поэтому эллинизм — период религиозных поисков.

Старым богам пытаются придать характер универсальных богов; создаются отвлеченные божества, новые боги. Восточные боги с универсальными функциями проникают в греческую религию. Боги получают новые, главным образом общественные, атрибуты и новые эпитеты, связывающие их не со стихиями природы, а с их отношением к человеку — «спаситель» (Σωτήρ), «благодетель» (Εὐεργέτης) и т. п. Культ принимает все больше характер мистерий; при этом используются опять-таки восточные культы богов-спасителей.

Но все эти новые явления в эллинистической религии не получили законченного развития. Для создания единой религии эллинистический мир не обладал достаточным экономическим и политическим единством. Старые боги потеряли кредит, но не сошли со сцены, уживаясь с новыми богами и новыми веяниями. Старые культы еще продолжали играть некоторую политическую роль. В обстановке непрерывных внутренних войн древние святилища могли еще предоставлять право убежища и неприкосновенность, не всегда соблюдавшееся воюющими, но дававшее все же некоторую гарантию безопасности. Так же как эллинистические монархии использовали привычную форму полиса для проведения своего влияния на Востоке, они использовали и древних эллинских богов, постройку храмов, организацию игр в их честь для прославления своего величия и провозглашения своей божественности.

Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии.

«Греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»². Падение древних богов, превращение мифологии из предмета наивной веры в объект научного исследования и рационалистического толкования должно было отразиться на искусстве. Изображения богов занимают большое место в греческом искусстве и в эллинистический период, но боги для скульптора — лишь повод для разрешения чисто художественной проблемы, он творит не антропоморфного бога с божественными атрибутами, а скорее божественно-прекрасного человека с человеческими чувствами и переживаниями. Портрет, жанровые группы и статуэтки занимают все больше места в творчестве художников.

¹ Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., XV, стр. 607—608.

² К. Маркс. К критике политической экономии, Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

Строительство храмов почти прекратилось, зато растет градостроительство, гражданская архитектура. Монументальность, грандиозность восточного искусства, сочетавшись с гармоничностью, изяществом и внутренней правдивостью классического греческого искусства, создали мировое эллинистическое искусство, продолжавшееся затем в Римской империи.

Во всех областях культуры эллинизм означает поворот всемирноисторического значения. Многие были только намечены, эллинистическая экономика не создала условий для окончательной переработки классического наследия, для создания на его основе нового цельного мировоззрения, целостной, гармонической культуры. Противоречия рабовладельческого общества после краткого периода подъема сказались очень быстро и привели к тому, что развитие шло лихорадочными темпами, с кратковременными взлетами и длительными периодами упадка; в некоторых областях — философии, литературе — упадок стал хроническим. Но в целом эллинистическая культура — новая стадия в культурной истории человечества, повлиявшая на весь дальнейший ход ее.

Понять сущность эллинизма, его подъем и падение можно только из анализа движения античной рабовладельческой социально-экономической формации. Становится ясной и историческая роль его как одного из этапов, на которых подтачивалась социально-экономическая ограниченность рабовладельческого общества, создавались, хоть в недостаточной степени, предпосылки для более прогрессивной общественно-экономической формации. Созданная на этой базе эллинистическая культура была принципиально новой. Но эллинистическая культура не должна заслонять тех материальных основ, на которых она возникла. Напротив, именно в аспекте общественных отношений становится ясной ее сущность и ее историческая роль.

